

Раздел 4. ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР И ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕДИЙНОГО ПРОСТРАНСТВА

ДЕРРИДА И СТИГЛЕР: КУЛЬТУРА, ГЕОПОЛИТИКА И ТЕЛЕ-ТЕХНОЛОГИИ

Азарова Ю. О. (Харьков, Украина)

Жак Деррида и Бернар Стиглер – две знаковые фигуры современной французской философии. Результатом их совместной работы стала книга «Эхографии телевидения» (1996), посвященная культуре эпохи *New Media*, сетевым сообществам, средствам массовой информации и теле-технологиям.

Главный вопрос, который обсуждают мыслители, звучит так: *каким образом современные теле-технологии изменяют наш мир – общество, культуру, политику, государство, экономику?* Рассматривая данную топику, они приходят к парадоксальным и неожиданным выводам. Во-первых, современные теле-технологии трансформируют не только практическую (социально-экономическую) сферу, но также теоретический дискурс гуманитарных наук. Это находит свое отражение в концептуально-терминологическом аппарате философии, политологии, права.

Деррида и Стиглер утверждают, что медиа и теле-технологии серьезно меняют содержание таких фундаментальных понятий, как «демократия», «политика», «государство», «суверенитет», «гражданство», трансформируя, тем самым, сущность, цель и задачи политических программ. Например, классическое понятие «демократии» обычно ассоциируется с полисом, государством, территорией. Поэтому «демократия» испокон веков «определяется, регулируется и контролируется границами национального государства и, таким образом, актами территориализации» [1, с. 64].

Однако ныне понятие «демократия» не связано с территорией. Соответственно, «изменение государственного устройства или политического режима происходит не с помощью реальных войн, революций и переворотов, а посредством виртуальных, информационных или медийных войн» [1, с. 64]. Аналогичное касается понятий «государство» и «гражданство». Традиционно, «гражданство» (полученное по месту рождения или приобретенное) также определяется топикой места – «места в рамках территории или нации, которая проживает на конкретной территории» [1, с. 64–65]. Теперь эта топика кардинально меняется.

Во-вторых, теле-технологии принципиально расширяют правовое поле индивида, позволяя человеку непосредственно выражать свое мнение, принимать участие в политических шоу, дебатах, социологических опросах, экзитполах, работе электронного правительства. Теле-технологии открывают новое измерение понятия «ответственности». Если в середине XX века политическая ответственность (например, за военные преступления) мыслится как коллективная, то сейчас она приобретает личный,

индивидуальный, прямой и адресный характер. «Именно в тот момент, – подчеркивают Деррида и Стиглер, – когда мы включаем компьютер, делаем телефонный звонок по скайпу, проводим интернет-соединение, мы затрагиваем весьма актуальный вопрос о критической культуре, демократии, политическом пространстве и детерриторизации» [1, с. 65].

В-третьих, теле-технологии не просто осуществляют трансмиссию, передачу информации или сообщения на расстоянии, а радикально *деконструируют* привычные понятия «времени» и «пространства», выполняя с-мещение (*dis-placement*), дис-локацию (*dis-location*) и рассеивание (*dissemination*) традиционных топосов и мест. Теле-технологии, безусловно, сближают людей, сокращая расстояние между континентами. Однако, растущая включенность человека в глобальную информационную сеть – это не только способ установления контакта с другими людьми и культурами, но также и растущая цепь зависимостей. Сегодня существенно расширяются способы технической манипуляции сознанием, дистанционного управления человеком, производства политической дезинформации в большом масштабе. Значительно усиливается опасность технологического террора, взлома компьютерных систем и банков данных.

В-четвертых, глобальная культура, возникающая на основе теле-технологий, не просто надстраивается над традиционными культурами, но также бросает им вызов – вызов историческим представлениям о человеке, его возможностях и ограничениях, свободе и достоинстве. В связи с развитием информационных, биологических и нано-технологий появляется возможность серьезной модификации телесных качеств человека, воздействия на его мозг и психику. Это приводит к созданию киберчеловека и трансформации привычной антропосферы.

В-пятых, теле-технологии меняют такие универсалии, как «общество», «личность», «национальная идентичность». Сообщества, возникающие в рамках глобальных информационных сетей, принципиально отличаются от традиционных социальных и этнических структур. Сетевое сообщество мгновенно возникает и столь же быстро исчезает. Оно не привязано к какой-либо территории и не опирается на традицию. Отношения между такими сообществами не имеют иерархического характера, а их совокупность не может быть представлена в качестве системного целого. Поскольку сегодня человек, с одной стороны, позиционирует себя как личность, которая принадлежит конкретному языку, нации, культуре, а с другой стороны, ощущает себя космополитом, то его исторические ориентиры, предполагающие традиционную локализацию, часто вступают в противоречие с медиальной дис-локализацией.

Таким образом, развитие теле-технологий имеет двойной эффект. С одной стороны, мы видим подвижность и хрупкость (политических, социальных, институциональных) границ, а с другой стороны, понимаем необходимость более жестко обозначить эти границы, подчеркнуть суверенитет, национальные интересы. Да, – признают Деррида и Стиглер, – проблема изменения мира посредством теле-технологий ныне хорошо

известна и широко обсуждается. Однако, предлагаемые ответы и решения часто поверхностны и схематичны. Ситуация также осложняется отсутствием критических дискурсов, единых правовых норм и форм легитимации.

В связи с этим, Деррида и Стиглер ставят второй острый и провокационный вопрос: являются ли медиа и теле-технологии, которые смещают (или даже деконструируют) культурные, национальные, территориальные границы, главным фактором, определяющим наше политическое настоящее? Да, являются, ибо именно медиа детерминируют наш способ видения исторического процесса. Медиа есть условия данности или конституирования мира современного человека. Медиа открывают мир для нас, феноменологизируют его, делают мир видимым, зримым, воспринимаемым.

Организуя видение и познание мира, однако, сами медиа остаются невидимыми. Медиа отсутствуют в «кадре», они не обнаруживают себя в «конечном» продукте. Медиа дематериализуются и становятся имманентными событию. Медиа инсталлированы в нашу способность понимать мир. *Политика и демократия, осуществляемая с помощью медиа, также находится не вне технологий, а внутри техногенного мира.* Следовательно, понятия «политики», «демократии», «нации», «гражданства» уже не являются той «безопасной почвой», откуда можно извлечь или вычленить теле-технологии и оценить ее импликации.

Принимая во внимание, что политические концепты пространственно или территориально маркированы, а теле-технология есть главное «связующее звено» между топосом и политикой, то это «связующее звено», которое Деррида называет термином «*topolitical*» (*topos+political*), сегодня должно стать предметом деконструкции. Подобная тематизация – это *не просто вопрос политизации технологии, введения ее в национальный или глобальный контекст, а скорее вопрос осмысления ее политических эффектов*, ибо, как замечают Деррида и Стиглер, всегда имеет место некий «технический характер» политики, демократии, государства и гражданства [1, с. 53]. Тогда деконструкция понятий «политика», «демократия», «государство», «гражданство» влечет за собой реконцептуализацию понятий «медиа», «технология», «информация», «язык». А это уже дает основание говорить о «*политике*», *выходящей за рамки «политического»*, или о «*демократии*», *выходящей за рамки «демократического»* [1, с. 53].

Деконструкция политических концептов хорошо видна в феномене «социальных сетей». «Сети или технологическое сообщество» (*networks or technological community*) иллюстрируют не только практическую дислокализацию (смещение привычного места) социума, но и появление новых форм идентичности [1, с. 65]. Давайте рассмотрим, – предлагают Деррида и Стиглер, – понятие «сообщество». Есть модели разных типов: «непроизводимое сообщество» (*la communaute desoeuvree*). Жан Люка Нанси или «неописуемое сообщество» (*la communaute inavouable*). Мориса Бланшо, но здесь важно само понятие «сообщества». Концепт «сообщества» примечателен в двух аспектах. С одной стороны, сообщество предполагает

«единство языкового, культурного, этнического или религиозного горизонтов» [1, с. 67]. Сообщество усиливает и воспроизводит различные порядки идентичности. Поэтому оно имманентно конституированию нации и утверждению территориальных границ государства. С другой стороны, современное сообщество разрывает любое тождество или идею идентичности *par excellence*. В той мере, в какой сети работают «без традиционного единства или гомогенности», они создают новую «дистрибуцию общества» или «социальное разделение» (*partage*). Французское слово «*partage*» амбивалентно. Оно имеет два значения: разделение и участие. Скажем, разделять с кем-либо политический выбор, точку зрения или позицию. Речь идет о включении человека в какой-либо процесс, который разделяют все участники. Здесь разделение, одновременно, предполагает соединение. Связь, обозначаемая термином *partage*, иллюстрирует, что разделение или участие человека в сетевом сообществе, уже не определяется локальными – «национальными, территориальными или региональными рамками» [1, с. 66]. «Сети, по сути, смещают фигуры социального, политического и культурного горизонта» [1, с. 66].

Термин *partage*, используемый для описания специфики сетевого сообщества, наглядно показывает, что, с одной стороны, в обществе существует определенное «единство», которое разделяют его участники [1, с. 67], а с другой стороны, в нем имеет место также «сингуляризация», «фрагментация» или «диссоциация» [1, с. 67]. Таким образом, если сети создают нечто «общее», т.е. *сообщество*, то они также создают нечто «частное», т.е. *участника*. Следовательно, *сети являются условием возможности общего, целого или единого, и одновременно, условием его невозможности*. Сети деконструируют метафизический концепт «сообщества». Здесь создание целостности выступает одновременно созданием фрагментации. Причем оба процесса имплицитно друг друга. Одно нельзя отделить от другого (как хорошее от плохого) без разрушения всей структуры. Иначе говоря, нет ассоциации (членов общества) без диссоциации. Аналогичный процесс происходит на уровне международных отношений и геополитики, ибо, – подчеркивают Деррида и Стиглер, – *не существует сближения без отталкивания, единения без разделения, близости без дистанции. Именно такая логика восполнения (supplement) конституирует сообщество*. Фактически, разделение, или *partage*, создаваемое сетями, оказывается «местом, перманентно смещаемой идентификации и сингуляризации индивида» [1, с. 67], «точкой разрыва со старой гомогенной идентичностью» [1, с. 67], т.к. новую идентичность уже не определяют место рождения, гражданство или территория.

Переход от политики, основанной на пространственных координатах, к политике, деконструирующей подобные координаты, сопровождается появлением радикально новой социальной онтологии, которую Деррида и Стиглер маркируют как гетерология. Она связывает тождественное и иное. Гетерология – это политика связи как таковой. Она полагается не на конкретные связи, которые носят четкий и установленный характер, а на

событие связи, акт связывания вообще. Гетерология не стремится к синтезу или «снятию» различий. Для нее событие *связи* реляционно, а не субстанционально.

Таким образом, «развитие теле-технологий, медиа-пространства и сетевых сообществ весьма продуктивно для анализа современной политики» в том, что «оно практически деконструирует прежние концепты "демократии", "государства" и "гражданина", обусловленные территорией, и снижает уровень напряжения в обществе» [1, с. 36].

Литература и источники

1. Derrida, J. *Echographies of Television: Filmed Interviews* / J. Derrida, B. Stiegler. – Cambridge, 2002.

МУЗЫКА В ПРОСТРАНСТВЕ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Байгина Д. А. (Минск, Беларусь)

Всепроникающее влияние информации на человеческие отношения является существенной характеристикой современности. Стремительное развитие и распространение информационных технологий создает небывалые условия жизни – нивелируются пространственные ограничения, взаимодействие людей приобретает глобальный характер. В обществе, где информационные технологии проникают во все сферы жизнедеятельности людей, коммуникации ставятся во главу социальных отношений.

В условиях глобализации мы сталкиваемся с кризисом традиционных форм коммуникации, когда множество участников коммуникации, обилие значений и многообразие средств передачи информации ставят под вопрос возможность адекватного понимания сообщений. Вместе с тем обнаруживается заметное увеличение доли невербальных средств коммуникации, используемых в обществе. Внимание ученых давно обращено к проблеме вербальной коммуникации, тем не менее, невербальные формы коммуникации изучены слабо. Необходимость обращения к музыке видится в том, что все известные нам типы коммуникации, такие как межличностная коммуникация, групповая, массовая, интраперсональная, коммуникация с трансцендентным, находят свою реализацию в музыке.

Музыка, возникнув в глубокой древности, сегодня является неотъемлемой частью жизни человека. Десятки музыкальных субкультур объединяют людей из разных уголков планеты; разнообразные Интернет-ресурсы предлагают в свободном доступе музыкальное наследие всех стран мира, начиная от признанных шедевров классической музыки, заканчивая домашними записями. Почему музыкальное искусство формирует вокруг себя такую мощную коммуникативную среду, какую роль в жизни современного человека играет музыка, каким образом происходит коммуникация, основанная на музыке, что за информация передается в

